АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 711.4

Е. И. Козырева

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КВАРТАЛ: ПРОСТРАНСТВО И МИР

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье представлены рассуждения о природе градостроительного и пространственного феномена — петербургского квартала. Плотные массивы кварталов образуют архитектурное «тело» исторических районов Петербурга. Вместе с тем каждый квартал — это уникальная пространственная среда, в основе которой лежит планировочный модуль и морфология. Внутренние пространства кварталов представляют собой фантастический по сложности и разнообразию урбанистический ландшафт, который сегодня является объектом сохранения и преобразования. Анализ эволюции петербургских кварталов позволяет выявить взаимосвязь между градостроительными процессами, архитектурными концепциями, морфологией и внутренней жизнью отдельной клетки городского пространства. Общность и своеобразие, устойчивость и способность к развитию, заложенные в «генетическом коде» квартала — основа генезиса архитектурной и пространственной ткани города, городского ландшафта, сохранения идентичности в новых контекстах. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, квартал, пространство, структура, морфология, среда, архитектурный ландшафт, типология.

THE SAINT-PETERSBURG QUARTER: SPACE AND WORLD

E. I. Kozireva

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article presents arguments about the nature of urban planning and spatial phenomenon — St. Petersburg quarter. Dense arrays of quarters form the architectural “body” of historical districts of St. Petersburg. However, each quarter is a unique spatial environment based on a planning module and rules of morphology. The inner spaces of the quarters are a fantastically complex and varied part of the urban landscape, which is now the object of conservation and transformation. Analysis of the evolution of the St. Petersburg quarters reveals the relationship between the urban planning processes, architectural concepts, morphology and inner life of the microcells of the urban space. The structural similarity and architectural uniqueness, sustainability and the ability to develop embodied in the “genetic code” of the quarter is the basis of the genesis of the urban fabric and landscape, the preservation of identity in new contexts. Refs 10.

Keywords: Saint-Petersburg, quarter, spase, structure, morphology, environment, architectural landscape, typology.

В Петербурге поражает способность города
превращать в символы любое свое содержание.

В. Серкова. «Неописуемый Петербург»

Кварталы — градостроительный феномен и архитектурная реальность, которая была и до сих пор является неотъемлемой частью характера, духа, души Петербурга. Реальность иная, скрытая и потаенная, она поражает и завораживает, увлекает и отталкивает. Плоть от плоти города — и зазеркалье его двойственной природы, отличное от «размеренного простора», господствующего в городском пейзаже.

Строгий, построенный на классической гармонии вид — чистые линии, вода, открытые или устремленные в перспективу пространства «в их красоте прямолинейной», соединенной с естественной красотой природных очертаний; фасады северных палаццо, покой горизонтали и четкость вертикалей — это известный парадный портрет. В нем «дух суровый», выверенный масштаб, плотность целого и соразмерность частей. Внутренний же, психологический тип скрыт за внешней декорацией, в глубине кварталов. Они — хранители истории, жизни, архитектурного ландшафта «другого» Петербурга.

Дворы-колодцы и дворы-щели, дворы-курдонеры и дворы-анфилады, уютные дворики с крыльцом и палисадником и ренессансные патио, выросшие до шести этажей, флигеля и службы, сады и пустыри, стены с окнами и глухие, лестницы и крыши, ходы и тупики, нагромождения и провалы, ловушки и открытия — и арки, арки, арки… Этот мир имеет свойства лабиринта, монолитного единства и сложного строения, в котором соединились материя и время. Он потрясает борьбой пространства и масс, двойственностью ощущений «внутри—снаружи», «граница—связь», «начало—конец».

Но (петербургский парадокс!) в основе этого лабиринта, этих затейливых пазлов, бесконечных по многообразию трехмерных конфигураций лежит геометрически правильная сетка межей, регулярный каркас улиц, системность планировочных и объемных модулей, веками наработанная логика концентрации и распределения городской жизни в ограниченных пределах, заданных планом, в ячейках-сотах домов и дворов.

Плотность тела — «абсолютно непрерывного, неделимого целого» — и «плотность» пространства, его качества, характеристики, метафизические свойства, которые «именно для Петербурга являются наиважнейшими» [1, с. 96], — две эти субстанции соединены в петербургском квартале. В «квартале» как общем структурном и органическом начале, морфологическом и метафизическом основании, объединяющем градостроительную ткань, и в каждом отдельном, особенном квартале-«атоме», каждый из которых есть Петербург.

Морфология и метафизика петербургских кварталов неотделимы от сущности их как самостоятельных, самодостаточных единиц, бытующих как часть города и обособленно от него. Пространство вокруг и внутри кварталов имеет свойства непрерывности и дискретности, пограничного и неопределенного, меняющего свои свойства в зависимости от положения наблюдателя в этом пространстве: улица и дом, территория и «интерьер», ансамбль и фон, контекст и осязаемая форма, оболочка и наполнение.

«Такого нет нигде», — говорят искушенные европейцы, оказавшись внутри, в глубине лабиринта дворов и арок. И это так. Хотя в Париже, Вене, Берлине немало кварталов, внешне схожих с петербургским типом, но только здесь его внутренние пространства представляют собой столь огромный, сложный, отстраненный мир — своеобразную антитезу облику улиц, площадей, набережных, но, одновременно, органическую часть градостроительного целого.

«Это другой город, другой Петербург», — замечают все, кто знаком с северной столицей лишь по внешнему портрету, по всемирно известным «открыточным» видам. «Другой» — по масштабу, архитектонике, цветовой палитре, свету, звукам, стилю жизни.

Пространство и среда, которые складывались на протяжении трех столетий за лицом регулярного фронта фасадов, в границах участков и владений, разных по принадлежности, но объединенных местом и временем, свидетельствуют не только о градостроительном развитии Петербурга. Это уникальная, до сих пор мало изученная, а потому еще не оцененная летопись городской культуры, социума, архетипов среды, петербургской ментальности и генезиса духа «непостижимого города». Она запечатлена в морфологии и своеобразной эстетике кварталов — в фантастическом «каменном» ландшафте, в сложном напластовании следов эпох и стилей, традиций и укладов, типов застройки и способов обитания.

Знаток Петербурга Г. К. Лукомский еще в 1914 г. отмечал, что «полное изучение художественного быта, вкусов, эстетики и вообще той атмосферы, в которой зарождалось и пышно расцветало все прекрасное старого Петербурга, возможно с особой легкостью в этих кварталах» [2, с. 176].

«Образцовое» устройство усадебных владений в самом начале истории города воплощало дух регулярности, разумной красоты, патриархального уклада. Вслед за «бумом» доходной застройки мир за фасадами кварталов приобретал все более отчужденный, трагический характер, становясь нелицеприятной изнанкой столичного ансамбля. «Серебряный век» наделил петербургский квартал таинственным, мистическим смыслом, но и обогатил новой эстетикой, запечатленной в архитектурных образах модерна. Дальнейшая история — потери и восстановление, реконструкции и «санации», обобществление и размежевание, социальные программы и диктат рынка, благоустройство и новое строительство…

Каждая эпоха оставила свои следы: ее пространственные очертания, артефакты, черты архитектурного портрета соединены, растворены, напластованы в разных, но единых в своей основе средовых образованиях — от отдельного двора до целого квартала, района, части города.

За прошедшее столетие недра старых кварталов многое утратили, но немало накопили и сохранили, будучи по-прежнему заповедной зоной «городской археологии». Для многих поколений петербуржцев они были и остаются естественной средой обитания, памятью, «малой родиной».

Жить где-то во втором дворе от улицы, каждый день окунаться в сумрачное лоно подворотни, сквозными путями выныривать на другом конце квартала, уметь пройти целый район хитроумным внутренним маршрутом, только местами выходя за пределы, наружу… По вертикальному лабиринту старинных лестниц и чердаков выбираться на крышу и чувствовать каждый раз, как захватывает дух от фантастической панорамы, от вида на шпили и купола, живописное нагромождение

домов, поворот канала — от картины, которая принадлежит только тебе, и ты ее хранитель… Это о нас, петербуржцах.

«Мне нравится найти знакомое строенье, иль изучить квартал, понять его всего…» [3, с. 451].

Эти строки, написанные еще в начале XX века, — перекличка времен, их смысл в нынешнем веке близок многим. Впрочем, не только «понять», скорее «ощутить», затеряться в этом «другом» Петербурге, отвернутом от шумных улиц, где, как в лесу, ходишь своими тропами и в знакомом находишь новые детали, черты, следы жизни. Любовь и боль, ностальгия по утраченному, источник вдохновения…

И сегодня «погружение» и «продвижение в городском путаном пространстве открывает архаические петербургские пласты, которые оказались сокрытыми в складках, упрятаны, поглощены другими телами, утрамбованы, уплотнены метафизическим взглядом в теле города»… Это «тело», «постоянно наращивая плоть, меняясь, остается всегда равным самому себе» [1, с. 102].

Квартал — самая устойчивая и одновременно динамичная единица градостроительной ткани. Это своеобразный живой организм, неподвластный жесткому регулированию и абсолютной воле архитекторов. Городская традиция, бытовой уклад, стиль жизни имеют свойство «уйти в подполье», в глубь кварталов, сопротивляясь внешнему стрессу. Социум квартала неоднороден по своей природе и плохо поддается ранжированию. Квартал объединяет и сближает обитателей, провоцирует как неформальные, так и вынужденные контакты, создает конфликтные ситуации и сам их гасит.

Инфраструктура квартала фантастична по своей сложности, внутренней логике и одновременно парадоксальности. Она складывалась длительно, постепенно, вместе с накоплением архитектурной массы, формированием пространственной конструкции, заполнением, освоением, распределением ячеек, устройством и приспособлением коммуникаций.

Но архитектурная масса неизбежно стареет, ветшает, и вопрос о будущем кварталов сегодня стоит, как никогда, остро. Главной директивой современных стратегий, концепций, мастер-планов становится спасение и регенерация, поиск нового импульса для оживления.

Как и сто, и двести лет назад кварталы представляют главный резерв для развития центра города, и охранное законодательство, оберегающее историческую среду от необратимых последствий, как показали последние десятилетия, в процессе реконструктивного вмешательства является весьма условным сдерживающим фактором.

В работе с этим драгоценным сплавом важно не утратить качеств каждого компонента, не разрушить связь, сделать более звучной (но не репрезентативно-навязчивой) полифонию времен и стилей.

Сегодня исторические кварталы Петербурга — культурное наследие и жилая среда, зона отчуждения и коммерческих интересов и все же до сих пор… *terra incognita*. Постичь и понять, тем более полюбить этот особенный мир дано не каждому. Но — пусть «дух суровый», пусть камня больше, чем пространства, тени больше, чем света — мир старых кварталов, пугая — влечет, поражая — привораживает, отталкивая — привязывает. И в этом — мистическая сущность *genius loci* города.

Они создают и означают Петербург. Их своеобразие, структура, единство устойчивости и развития, заложенное в морфологии среды — основа генезиса архитектурной и пространственной ткани города, городского ландшафта, сохранения идентичности в новых исторических контекстах. Каким увидят Петербург будущие поколения? Сохранит ли он тот исторический колорит и «генетический код» кварталов, без которого невозможна целостность градостроительного организма и само существование во времени петербургского *genius loci*?

Сотрем «случайные черты» и попробуем, соединив разум и чувство, прочитать внутренний мир старых кварталов как исторический феномен и реальность, без которой немыслим Петербург.

Панорама

Вся груда города видна нам с высоты…
Колодцы двориков, квадраты, параллели…

А. Лозина-Лозинский, 1916

Окидывая мысленным взором панораму города или глядя на план, невольно сравниваешь центральную часть Петербурга с гигантским ковром — цельным, плотным, разным в своих частях. В его основе — сеть улиц, очертания рек и каналов, геометрическая регулярность и неповторимо живописный рисунок.

Чем более пристально и детально разглядываешь этот ковер, его частицы-кварталы, тем очевиднее замечаешь свойства общей фактуры и ее бесконечных по разнообразию вариаций. На фоне этой сложной ткани и каждого составляющего ее фрагмента отчетливо выделяются ясно очерченные пустоты площадей, водные ленты, зеленые массивы, лакуны…

Вот она, «плоть» Петербурга: 360 кварталов на Адмиралтейской стороне, 95 — на Петроградской и около 60 — на Васильевском острове.

История

Как описать историю петербургских кварталов? Свойства и параметры, которые способны зафиксировать эволюционный процесс, понять его закономерности, выявить следы и признаки в современном состоянии, многообразны. Они важны и существенны как в своей специфике, так и во взаимосвязи, взаимовлиянии.

Историки-урбанисты выделят фазы и периоды строительства Петербурга, обозначат механизмы и факторы развития, градорегулирующие основы и процессы, планировочный каркас и структуру, зоны и слои. Историки архитектуры определят историческую и авторскую принадлежность объектов, их ценность и идентичность, уникальные особенности и признаки стиля, назовут предметы охраны, присвоят охранный статус…

Попробуем описать исторический портрет петербургского квартала как непрерывного, неделимого целого, которое прошло эволюционный путь и соединяет уникальность и типичность части в общем процессе зарождения, формирования, изменения, приспособления, старения, стагнации или возрождения в новом качестве.

Пять исторических типов среды — своеобразные модели того, как во взаимодействии способов застройки и архитектурных стилей, частных интересов и интересов городского сообщества, функции и эстетики, регламента и стихийных процессов формировалось пространство, качество жизни и характерные черты исторического портрета Петербурга.

Биография каждого квартала складывалась в трансформации, утрате, накоплении форм архитектуры, пространства и жизни в этом пространстве.

Городская усадьба — начало истории петербургских кварталов. Как отмечал А. Н. Бенуа, «только намерение было сделать из Петербурга что-то голландское, а вышло свое, особенное…» [4, с. 3]. В этом «особенном» соединились стремление к европейской регулярности и традиция патриархального полусельского уклада, свойственная русским городам. Свидетельствуют об этой эпохе исторические планы и те немногие следы, которые кварталы сохранили в своих границах.

1762 год. «Описание Адмиралтейскаго острова, плана, зачиная от канала, что подле старого Ея императорского величества Зимняго дому до канала у Галернаго двора», подпись на плане: «Архитекторъ Савва Чевакинский» [5, с. 146–147]; на плане в узнаваемых контурах реки Мойки, трехлучия, Миллионной и Галерной улиц показана центральная, вполне оформившаяся в основных городских чертах часть Петербурга. Застройка «одной фасадой», создавшая в пустынном пространстве организованные перспективы улиц и набережных, основана на единообразной системе нарезки участков и трезиниевских «образцовых» проектах домов, ранжированных по имущественным и сословным категориям.

Обширной панорамой и вместе с тем детально мир кварталов этой эпохи изображен в знаменитом «Аксонометрическом плане» Петербурга 1764–1773 гг. («План Сент-Илера—Горихвостова—Соколова»). Трехмерные проекции с мельчайшими подробностями представляют картину «усадебного» Петербурга во всем ее многообразии [6].

Устройство рядовой усадьбы включает одно-двухэтажный лицевой корпус с парадными воротами, расположенные вдоль границ с соседями службы, сараи, заборы, а также непременные сад и огород. Еще свободная, вполне просторная территория участка делится на жилую и хозяйственную зоны. Крыльцо или терраса с широкой лестницей связывают дом и двор. Привычный для вчерашних крестьян жизненный уклад встроен в компактный модуль городского землевладения, который на столетия вперед задал масштаб и структуру квартала. Из этой начальной клеточки произошло пространство, ландшафт и та будущая «архитектоника лабиринта», которую «тело» города — квартал в себе наращивал, уплотнял и усложнял на протяжении всей последующей истории.

Богатая городская усадьба представляет собой иной морфологический тип. Это, как правило, П-образный корпус с парадным двором, обращенным к улице. За главным домом — хозяйственные дворы и сад. Известно, что Ж.-Б.-А. Леблон, разрабатывая «образцовые» проекты таких владений, считал необходимым, чтобы главный корпус большого особняка располагался между садом и двором, что дает возможность поставить его очень живописно, а кроме того, избавляет его обитателей от уличного шума и нескромных взглядов. Основная часть территории такой усадьбы организована по образцу регулярного парка с геометрической планировкой и боскетами. На старых планах видно, как обширные «ковры» усадебных

владений, отличные от мелкоячеистой ткани рядовой застройки, расстилались по берегам Фонтанки и Мойки.

Ко второй половине XVIII века маленькие усадьбы на участках шириной в 12–15, глубиной 20–30 сажень, с садами и огородами, плотно соседствующие в границах квартала, составляют основную массу городской застройки. Очерченное линиями улиц внутреннее пространство квартала приобрело четкую структурную основу, а городской пейзаж — черты цельности, порядка, архитектурного единства.

Какой след оставила эта эпоха? Канву, фрагменты, малые осколки, но главное — традицию.

Мир городской усадьбы нашел продолжение и своеобразное развитие в особняках XIX века с небольшими садами в пейзажном стиле. Он также надолго задержался в небогатой застройке петербургских окраин. Из литературного описания XIX века: «Этот садик принадлежит к дому; он шагов в 25 длиною и столько же в ширину и весь зарос зеленью. В нем три высоких старых раскидистых дерева, несколько кустов сирени, жимолости, есть уголок малинника, две грядки с клубникой и две узеньких извилистых дорожки…» (Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»).

Сегодня сохранившиеся фрагменты усадеб — с вековыми деревьями, вросшими в землю флигельками, в окружении каменных масс поздней застройки — это редкие драгоценные частицы старого Петербурга, своего рода артефакты. Они дают особое чувство времени и истории, «очарования старины». Наконец, это так необходимые городу зеленые уголки, оберегающие от стресса и суеты мегаполиса. Какова их судьба? Речь идет не только о культурном наследии (у него все же есть «охранная грамота»), но и о целом пласте «городской археологии», хрупком и незащищенном, опасность потерять который с годами все более реальна…

Однако вот она, живая традиция: сегодня жители старых кварталов нередко стремятся возродить мир усадьбы — зеленой, уютной, неразрывно связанной с домом и жизнью каждого из небольшого соседства. И дворик с кустами сирени, заботливо ухоженными палисадниками, беседкой становится общей усадьбой, «своим», домашним пространством.

Но вернемся к истории. К концу XVIII века новый этап эволюции петербургских кварталов отражает процессы бурного градостроительного развития и роста населения столицы, которые привели к появлению первых многоквартирных домов «под жильцов». Этот новый тип — еще не доходный дом позднего времени, но очевидно, что мир городской усадьбы уходит в прошлое.

Здание в классическом стиле «под единый карниз» имеет два-три этажа. Просторный двор — центр домовладения — ограничен с четырех сторон «брандмауэрной» застройкой. Вдоль внутренних границ его окружают жилые и хозяйственные флигеля, службы. В архитектуре дворовых фасадов господствуют рациональные формы классицизма: спокойный ритм окон, строгие детали, чистые пропорции.

Квартал распадается на отдельные ячейки, вместе с тем складывается в объемно-пространственное целое, обладающее структурным единством.

Результатом урбанизации стало исчезновение садов: крупные комплексы усадеб частично застроены, а зеленое пространство разбилось на дома-ячейки, из которых лишь некоторые сохранили фрагменты былого усадебного ландшафта.

Дом и двор в пределах бывшей усадьбы изменили соотношение: архитектурная масса, выросшая в высоту и увеличившаяся в плане, начала покорять простран-

ство, оно концентрируется, замыкается, утрачивает ту связь с внешним миром, которую давали ворота. Теперь все иначе. Появление в сомкнутых объемах домов проезда-арки означило зарождение совершенно новой пространственной морфологии, текстуры, семантики городской среды, нового взаимодействия мира внешнего — упорядоченного, строгого, «правильного» — и мира внутреннего, который приобретает характерную форму, конфигурацию, масштаб, все более «закрывается», распадается на атомы.

Арка в теле здания — единственная коммуникация между двором и городом. Это уже не двумерный проем ворот, а протяженность, граница-пространство, преодоление которого означает развернутый во времени процесс. Она стала новым звеном градостроительной ткани, новым символом Петербурга и определила особую эстетику и способ «видения» и восприятия города, в котором обширные панорамные и перспективные картины соединились со стоп-кадрами, выхватывающими в городском пейзаже случайные, неповторимо-петербургские картины. В дальнейшем, по мере того как архитектурная масса кварталов становилась все более плотной и все более сложным и разветвленным становился «лабиринт», это единство ощущений целостного и фрагментарного стало преобладать в восприятии пространства Петербурга.

Еще один знак эпохи: не только в структуре квартала, но и в архитектурном ландшафте города появляется новый элемент — брандмауэр. В известных литографических видах Невского проспекта, Мойки, Екатерининского канала из плотной массы застройки то тут, то там выходит наружу, оттеняя фасадный фронт, глухая голая плоскость. «Другой» Петербург уже дает о себе знать. Он «не для глаз», будучи свидетельством энергичного и неравномерного наращивания «тела», но в пространстве квартала и города с этого времени брандмауэр остается характерным морфологическим звеном, знаком архитектурного языка, узнаваемым символом.

В целом же эволюция квартала на рубеже XVIII–XIX веков определена концепцией города как ансамбля, части которого находятся в состоянии тонкого равновесия, общности «атома» и «целого». Несмотря на физическую разобщенность, пространство города и квартала объединены тем общим качеством, тем архитектурным и эстетическим кодом «строгой, стройной» целостности, которая главенствует над частным, случайным.

Сегодня этот код звучен и ощутим. Он определяет свойство городского пейзажа набережных Фонтанки и Мойки, кварталов вдоль Галерной и Почтамтской, Васильевского острова… Ткань пространства и архитектурной среды, унаследовавшая черты Петербурга конца XVIII века, — наиболее цельная, гармоничная часть городского ландшафта, в которой качества внутреннего и внешнего, открытого и замкнутого, обширного и камерного, парадного и непарадного еще не находятся в антагонизме, а естественно дополняют друг друга.

Проем в строгой ритмике уличного фронта, массивные деревянные ворота, брусчатка, каменные плиты, своды арки, светлое, красивое по пропорциям пространство двора, окруженное простыми, почти без деталей, классическими фасадами… Этот мир, даже несмотря на поздние деформации, дошел до нас в зримом, осязаемом образе, сохранив морфологию и очертания «пушкинского» Петербурга.

Эпоха высокого классицизма создала новый тип зданий и пространств, преобразивших петербургский квартал. В монументальных комплексах государственных учреждений нашли наиболее полное выражение черты «имперского» Петербурга.

Типологические свойства новой градостроительной концепции основаны на принципах целостности, рациональности, укрупненного масштаба, преобразующих сложившуюся городскую структуру в величественное единство. Планировочный модуль увеличен за счет объединения мелких участков, освоения под застройку территорий крупных усадебных владений.

Большие, соединенные внутренними арками дворы — обратная сторона парадного лица города. В функционировании «человеческих муравейников» — министерств, департаментов, присутственных мест — дворы, связывающие многочисленные входы и лестницы, выполняли роль коммуникационных узлов, скрытых за декорациями фасадов.

Высота зданий в четыре-пять этажей и размеры дворов, в которых появились черты гигантских колодцев, создали небывалый ранее масштаб. Замкнутое пространство подчинено массе, плоскости, порядку. Оно не имеет ничего общего с жилой средой, не принадлежит своим обитателям, оно обезличено. Однако градостроительная задача была решена: здания-кварталы, как конструктивно-пластическая масса, соединили ранее существующую ткань города в монолитные комплексы, а масштабный прорыв, морфология пространственной структуры стали предвестием грядущей истории квартала.

Знаки этой эпохи немногочисленны, заметны, и перечислять их, вероятно, излишне. Судьба одного из них, наиболее ценного памятника той эпохи — восточного крыла Главного Штаба — является лучшим примером современного звучания исторического типа в новом культурном контексте.

В 1819–1829 гг. К. И. Росси создал и осуществил грандиозный проект комплекса правительственных зданий, объединив общим архитектурно-планировочным решением застройку юго-западной части Дворцовой площади. В объем правого крыла комплекса — Главного штаба — вошли дома уже существовавшей регулярной застройки. На месте строений вдоль берега реки Мойки было возведено левое крыло комплекса — здание Министерства иностранных дел и Министерства финансов. Триумфальная арка связала два крыла в единое сооружение. Дворцовая площадь получила геометрически строгие очертания и единый фасад, соразмерный огромному пространству.

Общий план здания Гражданских министерств был определен, с одной стороны, градостроительной задачей — оформлением парадной площади, с другой стороны — сложной конфигурацией отведенного участка. Планировочная композиция подобна «наконечнику стрелы», образованному параболической линией главного, обращенного к площади фасада и ломаной линией фасадов вдоль Певческого проезда и набережной реки Мойки. За строгой классической декорацией Росси с исключительной изобретательностью и прагматичностью распланировал пространство, предназначенное для департаментов двух министерств, присутственных мест, кладовых, гауптвахты, квартир служащих, конюшен, сараев. Каждое из министерств проектировалось как самостоятельный функциональный организм, образованный системой корпусов и внутренних дворов. Каменная стена-брандмауэр разделяла квартал с пятью дворами-колодцами на две обособленных части, лишь в основных чертах следующих единому объемно-пространственному решению. Дворы — своего рода «изнанка» парадного фасада площади — выполняли сугубо утилитарные коммуникационно-хозяйственные функции. Каждый де-

партамент имел собственный въезд во двор и примыкавшую к нему лестницу, при этом парадные входы в здание отсутствовали.

Это объемно-пространственное образование в измененном масштабном модуле позже трансформируется в звено лабиринта и станет одним из самых характерных в морфологии городской среды.

Сегодня россиевская модель здания-квартала в своем уникальном масштабе и структуре великолепно преобразовалась в музейный комплекс, восприняв новейшие концепции архитектуры общественных пространств. Реконструкция восточного крыла Главного штаба стала не только ключевым пунктом программы «Большой Эрмитаж», но и событием мирового значения, означающим превращение музея в культурный и общественный форум, не имеющий аналогов в мире. При этом сам Главный штаб стал не только музеем XXI века, но и дал новую жизнь Дворцовой площади.

Главной задачей было формирование новой функции в недрах исторической структуры, аккумулирование и трансформация «памяти места» в пространственном и образном стержне современного музея, использование уникального потенциала, который заложен в морфологических пластах развития квартала.

В создании музейного и общественного пространства получили новое звучание такие архетипы, как «Атриум», «Анфилада», «Перспектива», «Амфитеатр». Интеграция пространственной основы — монументальных дворов и сильных архитектурных образов в их современном воплощении — дала уникальный результат.

Однако вернемся в XIX век. Начиная с 1840-х годов, стремительными темпами, район за районом, столицу охватил строительный «бум». Он способствовал не только чрезвычайно быстрому изменению архитектурного облика города, но и радикальному изменению статуса среды внутри квартала. Доходная застройка создала новый образ Петербурга и петербургских кварталов.

Стремясь к повышению доходности участков, домовладельцы стали застраивать их все более плотно. Дом разрастается в границах владения за счет увеличения площади, числа этажей, усложнения конфигурации, поглощая, заполняя собой как можно большее пространство. На месте двух-трехэтажных домов со службами возводятся многоэтажные корпуса — не только вдоль границ участка, но и внутри него, на месте бывшего двора. Свободной, незастроенной остается не более пятой части территории. Дом превращается в монолитный объем, а пространство квартала — в лабиринт дворов, соединенных тоннелями арок. Это даже не дворы в традиционном смысле слова — это световые колодцы-шахты, необходимые для жизнеобеспечения дома (минимальной инсоляции, проезда, сбора и удаления отходов, хранения дров).

«План многоквартирного дома и его вертикальный архитектурный разрез становились своеобразной характеристикой социального разреза общества: типы квартир и населяющие их жильцы соответствовали ступеням социальной лестницы» [7, с. 255]. В одном квартале, а зачастую и в одном доме, соседствовали жильцы разных сословий и достатка. Однако в размерах, уровне комфортабельности квартир, их распределении как по этажам, так и по отношению к улице и двору господствовала строгая регламентация и социальное ранжирование.

В лицевых, выходящих на улицу корпусах размещались большие многокомнатные «барские» квартиры. Во двор выходили в основном черные лестницы, кухни,

комнаты прислуги, уборные. Бесстильное, упрощенное решение дворовых фасадов — монотонные ряды окон, объемы лестничных клеток, в сочетании с глухими кирпичными стенами брандмауэров — откровенно выражало нерепрезентативный статус среды «за фасадом».

Во внутренних корпусах квартиры были меньше и дешевле. В них селились представители сословия невысокого социального ранга — мелкие чиновники, мещане, торговцы, рабочие, студенты, разные категории «комнатных» и «угловых» жильцов. В глубине участка располагались сараи, конюшни, мастерские, дворницкие, дровяные склады. Хаос мелких хозяйственных построек вырастал рядом со «слепыми» плоскостями стен соседних домов.

Такое ранжирование превратило дворы в сугубо утилитарные, «проходные», отчужденные от обитателей и изолированные от внешнего мира.

Городские власти, пытаясь хоть в какой-то мере урегулировать плотность застройки, вынуждены были ввести ограничительные нормы. Строительным уставом 1857 г. были определены предельно допустимые наименьшие размеры ширины двора в две сажени (4,2 м), площади световых шахт — в квадратную сажень (4,5 м^2). Очевидно, что такие нормы, узаконивающие строительство «каменных мешков», отражали объективную реальность — интенсивные процессы урбанизации и интересы домовладельцев.

«Тело» города нарастило массу, предельно возможную в обозначенных планом границах. Разросшаяся «громадой неясною тяжких домов» [3, с. 296], разветвившаяся внутренними флигелями, эта масса поглотила свободное пространство. Двор, уменьшенный в плане до крошечного пятачка, вырос по вертикали вдвое, а то и втрое.

Но и сам многоквартирный дом представляет собой сложную лабиринтообразную структуру, состоящую из парадных и черных лестниц, коридоров, ходов и переходов, площадок, комнат и комнатушек-«шкафов», анфилад и фантастических по своей иррациональности углов и закоулков. Путь в этом лабиринте подобен «ленте Мебиуса», завязывающей в узел-петлю дом, двор, квартал, улицу.

За одно-два десятилетия структура и типология пространства кварталов пришли к тому общему характерному качеству, которое и сегодня определяет градостроительную ткань центра Петербурга. Ее черты: внутренний, замкнутый характер, доминирование застроенной части кварталов над свободной, объемов зданий над открытым пространством, жестко структурированным, раздробленным на мелкие ячейки. Это характерные комбинации дворов и коммуникаций в границах участка и квартала вместе со столь же характерным диапазоном размеров и формы пространств, тесно замкнутых в массах зданий. Наконец, это вертикальные «колодцеобразные» пропорции дворов из-за выросшей до 20 м и более высоты зданий.

Границы межевания, доставшиеся от предшествующих времен, где-то стерты (участки объединены и застроены новым владельцем), но в целом основательно, повторяя контуры планов прошлого века, материализованы по правилам «брандмауэрного» соседства.

Местами в плотной текстуре пространственной ткани сохраняются участки-лакуны, по каким-то причинам отставшие от общего процесса накопления и уплотнения архитектурной массы, сохранившие морфологию прошлых эпох или

же ставшие воплощением принципиально иного подхода к организации здания и пространства. Такое особенное, редкое, уникальное звено в целостной системе квартала представляют городские особняки.

В эпоху «бума» доходного домостроения особняк обозначает собой привилегию, роскошь — возможность в условиях города сохранить преимущество жизни отдельным домом, «усадьбой». В окружении доходных домов особняки выделяются высотой в два-три этажа, свободной композицией плана, камерным масштабом. Основной объем дополняют флигеля, конюшни, хозяйственные постройки. Иногда в комплекс особняка включен небольшой сад в английском пейзажном духе. Традиции петербургской городской усадьбы в соединении с чертами европейского аристократического особняка возрождаются в новом контексте и архитектурном качестве.

Типичные же петербургские дворы имеют ширину всего 10–15 м, угловые шахты-«карманы»; они соединены с улицей длинным арочным проездом, связаны между собой такими же проездами в цепочки-анфилады и затейливые лабиринты, тупиковые и сквозные, компактные, в границах одного участка, или длинные, от конца до конца квартала. В этих лабиринтах открытые участки дворов нередко составляют лишь четверть общей протяженности, основная же их часть — арки-каналы в теле здания, длинные, прямые или изогнутые, разветвленные и сами подобные анфиладам, темные или подсвеченные тусклым светом, проникающим из глубоких шахт.

Масса покорила пространство, тень покорила свет. Недра квартала превратились в мир внутренний, «закрытый», имеющий свойства «города в городе», внешняя граница которого — уличный фасад и проем арки.

Этот «другой» Петербург, все более замыкаясь и отстраняясь, лишь местами проступает сквозь архитектурный фронт улицы там, где он разорван, разомкнут, вторгается в городское пространство пустыми громадами стен, хаосом дворовых флигелей, причудливым силуэтом крыш, вступая в диалог со строгим ансамблем, усложняя, насыщая городской ландшафт иным языком, ритмикой, цветовой палитрой.

Трагический образ «петербургских трущоб» сделал бессловесным участником своих произведений Ф. М. Достоевский. «Его чувство Петербурга многогранно и с трудом поддается анализу» — это восприятие города «как социального организма, обладающего особой и сложной душой» [8, с. 208]. Отчужденный, холодный, тоскливый пейзаж города у Достоевского соединяется с фантастической «антропоморфизацией» домов и мест, иррациональной красотой светоцветового образа города. Камень и пустота, не одухотворенные архитектурной идеей и гармонией человеческих отношений, наделяются особым колоритом эмоционального, ярко индивидуального восприятия.

Однако очевидно, что доходная застройка петербургских кварталов весьма многообразна и не может быть оценена однозначно. На протяжении десятилетий отрабатывались рациональные приемы архитектурной организации зданий и пространств, которые в той или иной степени отвечали требованиям комфорта и эстетики. В основе процесса лежали экономические возможности владельцев, творческие амбиции архитекторов, стремящихся найти полноценное решение даже в рамках жестких норм и границ, желаний заказчика.

Талантливые зодчие преодолевали штампы планировочных и пространственных схем, находя в этих условиях выразительные и оригинальные решения. Изобретательная, рациональная и эффектная компоновка помещений и коммуникаций, общего объема здания и отдельных частей, дворового пространства и его связи с улицей для архитекторов петербургской школы стали критерием мастерства, понимания сущности квартала, места отдельного здания в общей исторически сложившейся системе.

Эпоха стилизаторства, основанного на принципах разнообразия и целесообразности, давала возможность «разумного выбора» и свободной трактовки исторических и композиционных мотивов, отвечающих специфике объекта и места. Так появились здания, в которых внутренний двор приобретает особое смысловое значение, а пространственная композиция — черты целостного «интерьера» квартала, объединяющего закрытые и открытые пространства, уличный и дворовые фасады единой стилевой темой, колористикой, образом.

Говоря о многих талантливых зодчих, создававших архитектурный мир петербургских кварталов в самый динамичный период их истории на протяжении второй половины XIX века, нельзя не назвать такие выдающиеся имена, как П. Ю. Сюзор, Г. В. Барановский, В. А. Шретер.

Сегодня доходная застройка является тем основным историческим типом, который формирует архитектурный облик и среду большинства кварталов и частей Петербурга. Она, подобно сплаву, преобразовала ранее сложившиеся формы, спаяла воедино здания и пространства, архитектурный фон и доминанты, стала неотъемлемой частью градостроительного целого.

Структура квартала, регулярная в основе и многообразная в каждой отдельной ячейке, в ее горизонтальном и вертикальном срезе, соединила объекты, разные по функции и статусу — жилые дома, дворцы, храмы, особняки, магазины, театры, банки, конторы, государственные учреждения, учебные заведения, больницы, склады… Все типы зданий, встроенных в «тело» квартала, так или иначе восприняли правила, схемы, композиционные приемы, отработанные в объемных и пространственных решениях доходного дома.

Полифункциональность, плотность и разнообразие, ставшие синонимом «центральности» — важная и ценная черта исторического и современного феномена петербургского квартала. Это качество заложено в период интенсивного строительства и сегодня является исключительно актуальным.

Любая сфера жизни в центре города так или иначе связана с «оборотной стороной» квартала, тем самым «другим» Петербургом, сложное, разветвленное, многоячеистое пространство которого — городской «интерьер», морфологически родственный буквальному смыслу этого понятия — по площади не уступает открытым пространствам.

Плотность, структура и типология являются тем главным наследием эпохи интенсивного строительства, которое создало материю и пространственную ткань Петербурга, его градостроительный и средовой феномен.

В XX веке критическая переоценка этих сложившихся характеристик стала основой преобразований, различных по масштабам и по методам, но объединенных стремлением преодолеть негативные последствия «эпохи меркантилизма» и «беспрецедентно форсированной… урбанизации северной столицы» [9, с. 164].

Борьба с плотностью и затесненностью, разрушение или трансформация структурной основы, «стирание», изменение сложившейся типологии или создание новых типов среды определили морфологические параметры реконструктивных действий, в целом не изменивших, но затронувших пространство и мир петербургских кварталов.

Анализируя опыт прошедшего века, сегодня можно судить о том, что пути осуществления преобразований могут иметь разрушительные последствия или же, напротив, быть созидательным продолжением исторического процесса, обогащать морфологию, архитектурный образ, жизнеустройство среды новыми формами. Два времени — два примера.

Начало XX века — самая яркая и краткая эпоха в истории петербургских кварталов. До сегодняшнего дня она остается лучшим образцом поистине творческого, конструктивного и взаимосвязанного преобразования среды квартала и города. Новый архитектурный тип сложился под воздействием идей модерна, новых градостроительных концепций, требований к комфорту жилья, изменения социально-экономической базы домостроения (в качестве владельца и застройщика земельного участка теперь зачастую выступают кооперативы или товарищества).

Квартал рассматривается как основной резерв градостроительного развития, поле воплощения новых архитектурных решений и программ. В контексте радикальных преобразований пространство квартала впервые стало объектом целостного подхода, основанного на принципах красоты, логики, целесообразности, социального моделирования.

Архитекторы, вдохновленные поиском актуальных форм и средств, синтеза функциональности и эстетики, объекта и контекста, традиции и новаторства, используют все возможности, чтобы сложившееся в своей основе «тело» квартала в больших и малых его частях приобрело новый образ и новое качество, чтобы «другой» Петербург наконец раскрылся к городу, стал полноценной частью городского контекста или даже его доминантой, чтобы «интерьер» квартала получил смысловую и композиционную связь со зданием и улицей, образовал так необходимое «пространство для жизни», тот необходимый пространственный слой, который, не порывая с традицией, будет уже «новым Петербургом».

Сама атмосфера архитектурной жизни столицы способствовала творческому поиску, свежим идеям, обновлению и обогащению языка зодчества. В 1905 г. получает известность диссертация В. П. Апышкова — одного из первых теоретиков и идеологов модерна — «Рациональное в новейшей архитектуре». Эта работа и сегодня не утратила актуальность. «Новое направление заключается вовсе не в новых формах, а в новых, свежих, здоровых мыслях, из которых формы вытекают как следствие… Целесообразность, логика, стилистика материала, правда и самобытность составляют отличительные черты произведений… лучших представителей нового движения» [10, с. 694].

В это время проектируют и строят признанные мастера зодчества Г. В. Барановский, Л. Н. Бенуа, Ю. Ю. Бенуа, Ф. И. Лидваль, А. Л. Лишневский, Р. Ф. Мельцер, А. фон Гоген, Н. В. Дмитриев, А. И. Зазерский, А. Ф. Красовский, Б. И. Гиршович, А. С. Хренов, В. В. Шауб. Энергично включается в архитектурную жизнь столицы молодое поколение — А. Ф. Бубырь, И. П. Володихин, А. И. Дмитриев, Л. А. Ильин, М. С. Лялевич, О. Р. Мунц. Перечисление талантливых творцов можно продолжать и далее.

В широком диапазоне направлений архитектурного творчества основное место занимают объекты, в той или иной мере преобразующие сложившуюся структуру городского пространства, утверждающие новое видение задач архитектуры в формировании среды.

Проводятся архитектурные конкурсы по обширной тематике: доходный дом, купеческое собрание, биржа, городская трансформаторная подстанция… Контекстом и структурной основой для большинства проектируемых зданий и комплексов являются кварталы. Результаты конкурсов подтверждают высокие критерии профессионализма, на которых основывалась строительная практика тех лет. В ряду важнейших критериев — преемственность, глубокое понимание своеобразия градостроительных условий, умение органично включить новый объект в сложившееся окружение.

Творческая полемика, открытое изложение профессиональной и гражданской позиции составляют важнейшую часть культурной жизни Петербурга начала столетия. Главной задачей видится создание эстетически полноценной, комфортной, выразительной среды, единство которой достигается благодаря современным материалам и конструкциям, новым художественным приемам синтеза искусств вместе с творческим переосмыслением исторического наследия и градостроительного контекста.

В известных словах А. Н. Бенуа о красоте города, в основе которого не красота отдельных построек, а «живой и яркий стиль», способный из прошлого проникнуть в нынешнюю жизнь и оплодотворить собой понятие «стиль Петербурга», можно услышать формулу, отражающую концепцию развития петербургской архитектурной традиции, градостроительного целого и его «атома» — квартала. Он и есть синоним «не отдельных построек», а единства, «стиля» в его морфологическом и метафизическом смысле.

Новые архитектурные идеи последовательно преобразуют и преображают квартал — его отдельные части, объединенные в комплекс группы участков — или же формируют особый тип здания-квартала, включенного в сложившееся окружение.

«Тело» квартала практически не теряет в массе и плотности, не порывает с морфологическими основаниями, но представляет собой новую модель удобной для жизни, рационально устроенной среды. В ней есть место природе, искусству, свету, современным удобствам.

Наиболее важные и заметные структурные сдвиги происходят на границе квартала. Между пространством внутри него и снаружи заметно некое взаимное притяжение, тяготение к воссоединению, слиянию. Улица проникает в глубину массива. Двор раскрывается к улице. На смену лабиринту, уходящему в плотную массу, приходит продуманная композиция, на смену арке-тоннелю — гигантская арка-проем, которая обозначает, символизирует, лишь условно фиксирует границу между внутренним и внешним.

Если прежде двор-колодец — это пространственная конфигурация, «пустота», образовавшаяся как бы по остаточному принципу, утилитарно необходимый, минимизированный по размерам «интервал» между объемами зданий, полость в монолитной массе, которая абсолютно доминирует и деформирует остаток-пустоту, то концепция модерна выстраивает иное взаимодействие.

Пространство играет главную формообразующую роль. Оно активно, наполнено особой энергией, раздвигает плотные архитектурные тела, «лепит» их пластическую массу.

Опыт встраивания новых объектов в сложившуюся структуру квартала стал плодотворным полем для экспериментов, профессиональной «игрой» с историческим контекстом.

Давать общий портрет этой эпохи чрезвычайно сложно, потому что неповторимо и ценно каждое произведение зодчества. Однако в многообразии уникальных архитектурных решений выделяются характерные пространственные типы, внесшие новые качества в морфологию и средовую ткань города.

Прежде всего, это новая трактовка формы, унаследованной от доходного дома. Концепции органической целостности мира и целостности структуры сооружения возвысили двор-колодец до качества пластического и смыслового ядра здания — пространственной композиции, полной динамики и экспрессии. Вместе с активной стилеобразующей энергией орнаментального слоя, материалов и фактур, смелых композиционных приемов, преобразующих поверхности и пространство, в самом принципе организации, когда форма определяется функцией, нельзя не заметить черты грядущей эпохи.

Другой тип среды — это раскрытые к улице дворы-курдонеры. Они трактуются как эффектное, эстетически осмысленное продолжение внешнего пространства вглубь квартала, благодаря чему ансамбль города обогащается новыми звеньями, а жилая среда приобретает высокий статус и качество. Особое значение имеет граница между улицей и двором, оформленная оградой, колоннадой, огромной аркой. Небольшой сквер во дворе способствует комфорту и привлекательности среды.

Наконец, новыми элементами градостроительной структуры стали крупные жилые комплексы — рационально организованные, целостные ансамбли, включенные в сложившуюся застройку или представляющие собой отдельные дома-кварталы. Внутренние пространства решены как монументальные анфилады бульваров и площадей, соединяющие улицы. Создание новых пространственных систем, нового масштаба и архитектурного образа среды в границах кварталов стало важнейшим ресурсом развития, альтернативой сложившемуся в своих исторических чертах внешнему облику города.

Среда, ориентированная на потребности разных социальных групп жителей, организована в современном смысле «комплексно», включая стилистику фасадов, благоустройство, оборудование, освещение, художественные формы. Она принадлежит дому и городу, создавая гармоничное пространственное и эстетическое поле.

За прошедший век памятники яркой эпохи сохранили архитектурное своеобразие, структуру, место в городском контексте, хотя утратили многие детали и атрибуты целостного облика.

В общей массе городской застройки эти здания, пространства, комплексы весьма немногочисленны. Но там, где в начале века развитие города шло особенно динамично (речь идет прежде всего о Петроградской стороне), типология и свойства новой архитектуры стали определяющими не только в границах квартала, но в самой градостроительной ткани, ее масштабе и текстуре, пейзаже и ландшафте.

Время подтвердило, что архитектурные новации, изменившие мир петербургских кварталов столетие назад, стали уникальной и органичной составляющей «стиля Петербурга», морфологии и образа города.

Динамичный процесс, позитивная направленность которого сегодня, как никогда, понятна и актуальна, в силу исторических обстоятельств оказался прерванным на своем подъеме. В дальнейшей истории города этот созидательный вектор, увы, развития не получил, и эпоха осталась «серебряным веком» петербургских кварталов.

Со стареющими домами и коммунальными квартирами, общими и ничьими дворами, конюшнями, переделанными под жилье и гаражи, арками без ворот, дровяными сараями, черными лестницами, ставшими главными путями передвижения, пятачками зелени, «стертым», ушедшим в прошлое вместе с заборами и оградами межеванием, кварталы продолжали свое существование в XX веке.

Пережив разрушительные утраты военных лет, в 1970-е годы историческая застройка стала объектом большого градостроительного проекта — приведения старых кварталов к современным нормам жизни. Так называемая санация заключалась в радикальном разуплотнении застройки за счет сноса дворовых корпусов и ветхих построек, увеличении размеров свободных территорий, их благоустройстве и озеленении. Позитивная социальная направленность такой реконструкции была убедительной, однако результаты неоднозначны. Лишенные границ и структурных свойств, пространства превратились в проходные, «ничейные» пустыри в окружении обнаженных брандмауэров. Современные типовые «встройки», ничем не отличные от новых районов, не прижились, не вросли в сложившееся по своим законам окружение и в большинстве своем остались инородными, «неорганическими» включениями.

Новые образования стали откровенным диссонансом масштабу и традиционной иерархии городского пространства. Морфология, обедненная деструктивными изменениями и не наполненная новым смыслом, выпала из средового континуума.

Следы «санаций» не столь многочисленны, но заметны и ощутимы буквально физически. Это как разорванная в клочья ткань, вырванные куски, грубые заплаты на сложном фактурном плетении.

Сегодня, когда и этот период уже стал историей, очевидны как несовершенство механических, нормативно-количественных методов «оздоровления» среды, так и последствия разрушения «памяти места», недооценки потенциала преобразования исторической ткани во взаимодействии сохранения и обновления.

Всякое деструктивное изменение сложившейся морфологии, материального и пространственного остова, «тела» квартала даже в одной его «клетке» затрагивает «клетку» соседнюю, несмотря на кажущуюся их независимость, закрепленную межами и «правилом брандмауэра». Внутри квартала массы зданий настолько притерты друг к другу, ячейки дворов настолько слитны с образующими их объемами, размеры, конфигурация, пропорции настолько взаимозависимы, что утрата даже одного дворового флигеля может заметно нарушить масштабную иерархию среды, изменить пространственную форму и ее границы.

В каждом случае реконструктивное вмешательство затрагивает типичный и устойчивый элемент в структуре квартала — брандмауэр. Атрибут плотной за-

стройки, наделенный сугубо утилитарной функцией, он занял прочное место в морфологии петербургской среды и приобрел значение символа.

Брандмауэры — кирпичные или оштукатуренные, пустые или со случайно разбросанными окнами, очерченные простой горизонталью или сложной ломаной линией силуэта, с затейливым ритмом труб и брутальной пластикой световых шахт — свидетели двух веков истории города. Они демонстрировали победу процессов урбанизации над миром усадьбы, утверждение новых принципов застройки, социальных и экономических реалий. Они давно освоены рекламой, которая по сей день успешно эксплуатирует уникальные свойства этих поверхностей. Гипертрофированный масштаб голых стен вполне соответствовал амбициям монументального искусства советской эпохи. На гигантских полях хорошо читались политические лозунги.

В панорамах Фонтанки, Мойки, канала Грибоедова, в облике городских пространств исторического центра глухие плоскости стен являются заметными акцентами. Характерный колорит Петроградской стороны, Васильевского острова, районов Сенной площади и Обводного канала во многом определен концентрацией открытых брандмауэров — по сути, фоновых элементов архитектурного ландшафта. Внутри квартала, во дворах, брандмауэры еще более решительно доминируют над фасадами, создавая тот особенный неповторимо «петербургский» масштаб и образ.

Структурная незавершенность, контрастное сочетание застройки разных исторических периодов и типов (доходный дом, малоэтажный флигель, усадьба, особняк, службы), утрата целого здания или его части в каждом случае создают «конфликтную» ситуацию и одновременно потенциальный объект для творческого осмысления.

Брандмауэр — это правило, регламент, граница, и вместе с тем парадокс, отклонение от правил, провокация. Он связывает архитектурную мысль жесткими пределами, ограничивает трехмерность объекта, его пространственное развитие и — будит воображение, перестраивает масштаб и восприятие. Это некий индикатор, указывающий на степень завершенности архитектурно-пространственного целого, структурную деформацию, потенциал развития.

Потому сегодня, когда речь идет о ценностной идентификации исторического наследия, о взаимосвязанном подходе к его сохранению и современной адаптации, о перспективах развития, важно определить отношение к брандмауэрам в эволюционном контексте.

Что они собой представляют? Конструктивные устои, каркас формообразования «тела» квартала, резерв для нового строительства или восстановления утраченного? Артефакты «городской археологии», культурное наследие, предметы охраны? Поле для экспериментов? Оценка может быть только многозначной, как сама природа глухой стены, разделяющей и связывающей квартал.

Назначение брандмауэра — не для глаз, он должен быть скрыт, поскольку предполагает плотное смыкание домов на соседних участках. Открытая глухая плоскость указывает на незавершенность, некоторую «неполноценность» ситуации. И в то же время она — реальность, часть устойчивой структуры и архитектурного образа. Двойственность проблемы и в том, что брандмауэр де-юре принадлежит зданию, а де-факто — пространству двора соседнего участка или улицы.

Примирение владельческих интересов по обе стороны границы — одно из условий конструктивного подхода к вопросу о судьбе брандмауэра.

В истории петербургских кварталов накоплен уникальный опыт того, как может «работать» большая глухая поверхность в пространстве двора, квартала, в городском пейзаже. Выразительный силуэт малоэтажных построек на чистом фоне стены, свободная композиция, архитектурный коллаж, лаконичное акцентирование, оттеняющее тонкую прорисовку лицевых фасадов, цвет, полихромия, пластика, ритм, декорация «ложного» фасада, динамичная графика инженерных коммуникаций, «вертикальный ландшафт»: мотивы «звучания» брандмауэра создают неповторимый архитектурный колорит, генерируют новые идеи.

Стена-граница, стена-связь в ее аутентичной форме и современных трансформациях становится уникальным полем взаимодействия исторической основы и творческих решений. Новации архитектуры, дизайн и современное искусство, колористика и световизуальные эффекты способны оживить плоскость, внести новое эстетическое качество в пространство квартала и города. Но как основной тон и доминанта должно быть сохранено подлинное, исторически достоверное качество во всем богатстве форм и знаков времени.

И в этом соединении устойчивой генетической основы и потенциала развития брандмауэр — особый «знак судьбы» петербургского квартала.

Сегодня

Так что же сегодня кварталы Петербурга?

Они сохранили общую генетическую основу, но у каждого есть свой исторический код, определенный местом, условиями, динамикой развития: кварталы вдоль Невского и Мойки, Литейная часть, Адмиралтейский остров, Пески и Коломна, кварталы Василеостровского острова и Петроградской стороны во всей их непохожести и многообразии… История места — это история кварталов.

Все то, что в эволюционном процессе накопилось, наслоилось, соединилось в «теле» квартала, в текстуре пространства, сегодня прочитывается в характерных морфотипах среды. Они сохраняют признаки исторических эпох в их общем морфологическом качестве и в особых свойствах, которые могут проявиться в ином контексте, образовать целое и в этом целом звучать особой интонацией.

Но главное — кварталы живут, несмотря на старение материального «тела». Возвращаются межевание, границы, «владение», которые всегда были основой структуры, формы, жизнеустройства. Оказывается, что такой порядок в компактных пределах здания-участка остается вполне естественным, имеет способность к саморегулированию и развитию.

Каждый квартал живет своей особенной жизнью. В самом центре городской активности, рядом с Невским и Владимирским, Садовой и Сенной, Литейным и Морскими плотности массы и пространства отвечает плотность и разнообразие функциональной «начинки».

Этот «внутренний город» — квартал-муравейник — освоен и наполнен деловыми центрами и офисами, студиями и галереями, отелями и клубами, конторами

и театрами, медицинскими кабинетами и мастерскими, которым жилье постепенно уступает место, но сохраняет свою нишу, как суть и природа квартала.

Многообразие способов освоения, которое само по себе, в своей стихии и логике, может стать любопытным предметом изучения, фантастическим образом распределяется по горизонтали и вертикали, выстраивая в пространственном лабиринте какой-то особенный порядок, ячеистую и плотную структуру, где дворы служат «общими» — коммуникационными и «коммунальными» пространствами, узлами пересечения и распределения путей. Внутренние трассы еще более оживленны, чем раньше, и по насыщенности самыми разными объектами притяжения зачастую не уступают улице.

Оживают старые флигельки, заброшенные подвалы, бывшие службы и дворницкие. Оказывается, что этот пространственный слой в один-два этажа, нижний «ярус» дворов-колодцев очень важен в своем масштабном и архитектурном отличии.

Кварталы, расположенные в удаленных от беспокойного центра районах Петроградской стороны, в Коломне, за Фонтанкой, в бывших «ротах», тихи и зелены, в меру благоустроены, пребывают в покое или ожидании ремонта, сохраняют усадебный дух и атмосферу старых жилых дворов, при этом, конечно же, наполнены, насколько возможно, автомобилями. Вот такой конгломерат «по-петербургски», но все как-то уживаются, и компактная форма квартала примиряет противоречия, учит жить по-соседски.

Конечно, есть в старых кварталах места, которые и сегодня продолжают существовать в настроении «Петербурга Достоевского», настроении отчужденном и мрачном. Но путь выздоровления, выхода из состояния депрессии есть. Важно, чтобы сохранилась та морфологическая основа, которая уже не раз доказывала свою устойчивость и возможность адаптации.

Время показало, что петербургские кварталы способны воспринять, вместить, интегрировать в себе старое и новое, идентичность и смелый эксперимент. Как и сто лет назад, кварталы привлекают внимание инвесторов и архитекторов, дизайнеров и художников, дают импульс к творчеству.

Наиболее удачный опыт последних лет — новая сцена Александринского театра — современный архитектурный комплекс, оригинально и вместе с тем корректно встроенный в историческую ткань квартала между Фонтанкой и улицей Зодчего Росси. В противопоставлении и слиянии нового объекта и контекста родилось уникальное пространственное образование. Оно не воспроизводит традиционную морфологию, казалось бы, противоречит ей, но органичность результата противоречие снимает, а диалог разных архитектурных языков приводит к единству. Квартал сплачивает и примиряет. Прозрачный лабиринт, развернутый по вертикали — сильная версия лабиринта каменного. Архетипика дворов-колодцев, арок, шахт, галерей, начиненная новой функцией, не утратила символичности образа, но приобрела актуальный смысл и ценность.

«Паласы» Невского, пассажи и атриумы — это репрезентативная, «глянцевая» сторона обновления и преобразования. Сегодня они лишь малая часть «другого Петербурга», воспринявшая модернизационное направление, ориентированная на коммерческую привлекательность и отдачу. Большинство кварталов — весьма «не-

удобное» историческое наследство, которое сегодня необходимо сохранить и дать ему новые возможности для жизни и развития.

Этот вопрос решали и решают все старинные города, Петербург только в начале пути.

Послесловие

На петербургских художественных выставках можно заметить, что объектом большинства картин, изображающих городской пейзаж, является не внешний облик Петербурга в его классических свойствах, а старый квартал: тесный двор в глубокой перспективе из окна, силуэт арки с уходящим к свету тоннелем, глухие стены с разбросанными окнами, панорамы крыш, пронзенные колодцами, живописные сочетания силуэтов и планов, поверхностей и фактур, света и тени… Даже если это вид на знаменитые памятники и ансамбли, то откуда-то из глубины, «внутренним взором» в неожиданном, неповторимом ракурсе. И великий город, знакомый и дорогой, предстает каждый раз в новом звучании.

Таким мы видим и любим его сегодня, и хочется верить, что впереди эпоха возрождения — города и квартала.

Литература

1. *Серкова В.* Неописуемый Петербург (выход в пространство лабиринта) // Метафизика Петербурга. Альманах. Л.: Эйдос, 1993. Вып. 1. С. 95–112.
2. *Лукомский Г. К.* Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы. СПб., 2002. 176 с.
3. Петербург в русской поэзии XVIII — первой четверти XIX века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 664 с.
4. *Бенуа А.* Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. Т. 7, № 1. С. 1–5.
5. Архитектурная графика России (первая половина XVIII века). Собрание Эрмитажа. Научный каталог. Л.: Искусство, 1981. 169 с.
6. *Аркин Д. Е.* Перспективный план Петербурга 1764–1773: (План Сент-Илера—Горихвостова—Соколова) // Архитектурное наследство. Л.; М., 1955. Вып. 7. С. 11–38.
7. *Пунин А. Л.* Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. 347 с.
8. *Анциферов Н. П.* Непостижимый город… Л., 1991. 333 с.
9. *Кириков Б. М.* Архитектура петербургского модерна. СПб., 2004. 576 с.
10. Зодчие Санкт-Петербурга. XIX — начало XX века. СПб.: Лениздат, 1998. 1068 с.

References

1. Serkova V. Neopisuemyi Peterburg (vykhod v prostranstvo labirinta) [Undiscribable Petersburg: The exit to the space of labyrinth]. *Metafizika Peterburga. Al'manakh* [*Metaphysics of St. Petersburg. Almanac*]. Leningrad, Eidos Publ., 1993, issue 1, pp. 95–112. (In Russian)
2. Lukomskii G. K. *Staryi Peterburg. Progulki po starinnym kvartalam stolitsy* [*Old Petersburg: The walks around the ancient blocks of the capital*]. St. Petersburg, 2002. 176 p. (In Russian)
3. *Peterburg v russkoi poezii XVIII — pervoi chetverti XIX veka* [*Petersburg in Russian literature of the 18th — the first quarter of the 19th century*]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2002. 664 p. (In Russian)
4. Benua A. Zhivopisnyi Peterburg [Picturesque Petersburg]. *Mir iskusstva* [*Art World*]. 1902, vol. 7, no. 1, pp. 1–5. (In Russian)
5. *Arkhitekturnaia grafika Rossii (pervaia polovina XVIII veka). Sobranie Ermitazha. Nauchnyi katalog* [*Architectural graphics of Russia*]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1981. 169 p. (In Russian)
6. Arkin D. E. Perspektivnyi plan Peterburga 1764–1773: (Plan Sent-Ilera—Gorikhvostova—Sokolova) [Perspective plan of St. Petersburg 1764–1773]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [*Architectural heritage*]. Leningrad, Moscow, 1955, issue 7, pp. 11–38. (In Russian)

7. Punin A. L. *Arkhitektura Peterburga serediny XIX veka* [*Saint Petersburg Architecture of the mid-nineteenth century*]. Leningrad, 1990. 347 p. (In Russian)

8. Antsiferov N. P. *Nepostizhimyi gorod…* [*Unfathomable city…*]. Leningrad, 1991. 333 p. (In Russian)

9. Kirikov B. M. *Arkhitektura peterburgskogo moderna* [*The architecture of St. Petersburg modern*]. St. Petersburg, 2004. 576 p. (In Russian)

10. *Zodchie Sankt-Peterburga. XIX — nachalo XX veka* [*The Architects Of St. Petersburg. XIX — beginning of XX century*]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1998. 1068 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2015 г.

Контактная информация

Козырева Елена Ивановна — кандидат архитектуры; kozirevalena@rambler.ru

Kozireva Elena I. — Ph.D.; kozirevalena@rambler.ru